

литературное
НОВОЕ
обозрение

Содержание № **153** [5'2018]

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

7 *Алла Горбунова. Собака чудная вполне*

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ-СЫЩИК: УЛИКИ, ДЕТАЛИ И
ДЕТЕКТИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА В НАРРАТОЛОГИИ

11 *Николай Поселягин, Татьяна Вайзер. От редакторов (к блокам «В сторону (от) текста: Еще раз о силе слабых связей» и «Детектив, пост/квазидетектив, конспирологическая драма»)*

В СТОРОНУ (ОТ) ТЕКСТА: ЕЩЕ РАЗ О СИЛЕ
СЛАБЫХ СВЯЗЕЙ

14 *Константин А. Богданов. От составителя*

19 *Дмитрий Панченко. Война, философия, интертекстуальность: об одной внешне незначительной фразе из раннего Платона*

31 *Константин А. Богданов. Лев Толстой, Луи Пастер и бешеные собаки: очерк христианской антрозоологии*

- 69** *Елена Кардаш.* «...Отдаются напрокат и починаются старые»: тайна вывески Адриана Прохорова
- 85** *Александр А. Панченко.* Белки, близнецы и фаллические символы: Набоков об антропологии

ДЕТЕКТИВ, ПОСТ/КВАЗИДЕТЕКТИВ,
КОНСПИРОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА

- 103** *Борис Максимов.* У истоков классического детектива: новеллы и драмы Генриха фон Клейста
- 119** *Петр Моисеев.* Во и детектив
- 128** *Маша Левина-Паркер, Михаил Левин.* Квазидетектив Андрея Белого — линия бомбы в «Петербурге»
- 141** *Валерий Вьюгин.* Шпионы, вредители и честные люди (Советская конспирологическая драма 1920-х — 1930-х годов)

IN MEMORIAM:

ВЯЧЕСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ ИВАНОВ (1929 — 2017)

- 163** *Рональд Вроон, Игорь Пильщиков.* Вяч.Вс. Иванов как исследователь русской и мировой литературы
- 176** *Ирина Белобровцева.* Вячеслав Всеволодович да Винчи
- 184** *Пеэтер Тороп.* Вяч.Вс. Иванов и установление новой семиотики
- 189** *Борис Егоров.* Про Кому
- 194** *Владимир Плунгян.* Из разговоров с Вяч.Вс. Ивановым
- 196** *Михаил Трунин.* Неопубликованная статья Вяч.Вс. Иванова «Семиотические модели в экономической этнологии» в историко-научной перспективе
- 214** Избранная библиография работ Вячеслава Всеволодовича Иванова за 2007—2017 годы (*составитель* Игорь Пильщиков)

ГЕНРИХ САПГИР: «КОЛЛАЖ, ПРОТОКОЛ, ГОЛОСА
РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ...»

- 236** *Массимо Маурицио.* Игра в классика: новаторская традиция в «Псалмах» и «Черновиках Пушкина» Г. Сапгира

- 252**   *Михаил Павловец.* «И все что образует пустоту»: деструкция словесной формы в поэзии Генриха Сапгира
- 269**   *Данила Давыдов.* Формалист, интуитивист, учитель.
О Генрихе Сапгире
- 273**   *Юрий Орлицкий.* Поздний Сапгир (текстология и поэтика).
Вместо предисловия к публикации
- 285**   *Генрих Сапгир.* Из неопубликованного. Стихи, заметки,
интервью (публикация Ю. Орлицкого и М. Павловца)

К ИСТОРИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ»

- 300**   *Екатерина Полетаева.* Предисловия к выпускам антологии
«Московское время» как манифесты
- 305**   «Московское время». Предисловия к выпускам антологии
молодой поэзии «Московское время» (1-й, 2-й, 3-й выпуски;
1975 год)

ХРОНИКА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 312**   *Станислав Снытко.* Стиль пустыни (Рец. на кн.:
Абдуллаев Ш. Перед местностью: Книга стихов. М., 2017)

БИБЛИОГРАФИЯ

ВООБРАЖЕНИЕ И ВЫМЫСЕЛ

- 319**   *Татьяна Венедиктова.* Философия воображения: сумма
вопросов (Рец. на кн.: The Routledge Handbook of Philosophy
of Imagination. L.; N.Y., 2016)
- 326**   *Лариса Муравьева.* В защиту реального (Рец. на кн.: Lavocat F.
Fait et fiction: Pour une frontière. P., 2016)
- 332**   *Анна Яковец.* Жестовый язык филологии (Рец. на кн.:
Strätling S. Die Hand am Werk: Poetik der Poiesis in der russischen
Avantgarde. Paderborn, 2017)
- 340**   *Инна Булкина.* Украинская политика памяти и ее историки
(обзор книг последних лет)

- 346** *Сергей Ташкенов.* Натурализм как палимпсест и междискурсивная практика русской литературы: опыт дегенерации (Рец. на кн.: Nicolosi R. Degeneration erzählen. Paderborn, 2018)
- 354** *Алексей Вдовин, Андрей Федотов.* Как изучать Каткова сегодня? (Рец. на кн.: Fusso S. Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy. Mikhail Katkov and the Great Russian Novel. DeKalb, IL, 2017)
- 361** *Л.С. Чекин.* Была ли Финляндия Россией? (Рец. на кн.: Minard-Törmänen, N. An Imperial Idyll. Finland in Russian Travelogues (1810—1860). Helsingfors, 2016)
- 368** *М.В. Михайлова.* Софья Николаевна Шиль — литератор, мемуарист, литературовед (Рец. на кн.: Орловский С. (С.Н. Шиль). Мемуары. Письма. Переводы. Стихотворения. М., 2017)
- 377** Новые книги
- 396** *Т. Головина.* Иностранная изящная словесность в кругу чтения помещиков средней руки (по архивным документам 1830 — 1840-х гг.)

Х Р О Н И К А   Н А У Ч Н О Й   Ж И З Н И

- 411** *Вера Мильчина.* XXV Лотмановские чтения «Писатель как читатель» (ИВГИ РГГУ, 21—22 декабря 2017 г.)
- 425** *Вера Мильчина.* Международная конференция «Переводы классики старые и/или новые» (ШАГИ РАНХиГС, 12 апреля 2018 г.)
- 434** Наши авторы
- 436** Summary
- 441** Table of contents
- 444** Our authors

Редакция

- Ирина Прохорова** (главный редактор) *канд. филол. наук*
Николай Поселягин (теория) *канд. филол. наук*
Татьяна Вайзер (история) *канд. филос. наук; PhD*
Александр Скидан (практика)
Абрам Рейтблат (библиография) *канд. пед. наук*
Владислав Третьяков (библиография) *канд. филол. наук*
Ольга Аннанурова (хроника научной жизни) *магистр культурологии*

Редколлегия

Константин Азадовский
кандидат филологических наук

Хенрик Баран
PhD. Университет штата Нью-Йорк в Олбани, профессор

Николай Богомолов
доктор филологических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор

Татьяна Венедиктова
доктор филологических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор

Елена Вишленкова
доктор исторических наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор

Томаш Гланц
PhD. Цюрихский университет, профессор / Карлов университет в Праге, профессор

Ханс Ульрих Гумбрехт
PhD. Стэнфордский университет, профессор

Александр Жолковский
PhD. Университет Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе, профессор

Андрей Зорин
доктор филологических наук. Оксфордский университет, профессор / Московская высшая школа социальных и экономических наук, профессор

Борис Колоницкий
доктор исторических наук. Европейский университет, профессор / Санкт-Петербургский институт истории РАН, ведущий научный сотрудник

Александр Лавров
доктор филологических наук, академик РАН. Институт русской литературы (Пушкинский Дом), ведущий научный сотрудник

Джон Малмстад
PhD. Гарвардский университет, профессор

Александр Осповат
Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, профессор-исследователь

Пекка Песонен
PhD. Хельсинкский университет, заслуженный профессор

Олег Проскурин
кандидат филологических наук. Университет Эмори (США), профессор

Роман Тименчик
кандидат филологических наук. Еврейский университет в Иерусалиме, профессор

Павел Уваров
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН. Институт всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор

Александр Эткинд
PhD. Европейский университетский институт (Флоренция)

Михаил Ямпольский
доктор искусствоведения. Нью-Йоркский университет, профессор

Дмитрий Панченко
**Война, философия,
интертекстуальность:**

ОБ ОДНОЙ ВНЕШНЕ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ФРАЗЕ
ИЗ РАННЕГО ПЛАТОНА

Dmitri Panchenko

War, Philosophy, Intertextuality:

A Commentary on a Seemingly Insignificant Phrase in the Early Work of Plato

Дмитрий Панченко (СПбГУ; доцент факультета свободных искусств и наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); доцент Департамента истории; кандидат исторических наук) dmpanchenko@mail.ru; dmpanchenko@yahoo.com.

Dmitri Panchenko (Saint Petersburg State University; associate professor, Faculty of Liberal Arts and Sciences; National Research University "Higher School of Economics" (Saint Petersburg); associate professor, Department of History; PhD) dmpanchenko@mail.ru; dmpanchenko@yahoo.com.

Ключевые слова: Платон, Сократ, Фукидид, Никий

Key words: Plato, Socrates, Thucydides, Nicias

УДК: 801.73+101.9+179.9+821.14

UDC: 801.73+101.9+179.9+821.14

В диалоге Платона «Лакхет» Сократ роняет внешне незначительную фразу: «Да и закон устанавливает, что не прорицатель должен руководить военачальником, а военачальник — прорицателем» (199a). Однако эта фраза произносится в разговоре с полководцем Никием, о котором было известно, что тот, поверив прорицателям, погубил свое войско, а сам был казнен победителями. В нетривиальных обстоятельствах Никию не хватило верного понимания ситуации; и Платон напоминает об этом, чтобы показать, что философия, оттачивающая верное понимание любых вопросов, — не пустое занятие. По сути, он выстраивает апологию философии и прежде всего — апологию философии Сократа. Одновременно Платон вступает в заочную полемику с Фукидидом, который выделил Никия из числа всех современников как наименее заслужившего свою участь в силу приверженности к добродетели (VII.86.5): с точки зрения Платона, Сократ куда как больше, чем Никий, достоин такой оценки.

In Plato's *Laches* an apparently insignificant remark appears: "The law places the soothsayer under the general, and not the general under the soothsayer" (199a). However, Socrates pronounces this phrase in conversation with the military commander Nicias, and it was known in Athens that Nicias had followed, in a critical situation, the suggestion of the soothsayers, which resulted in a military disaster and the death of Nicias himself (he was sentenced to death by the victors). Nicias made an incorrect decision in nontrivial circumstances on account of not having a correct understanding of the situation, and Plato hints at this event in order to show that philosophy, which nourishes the ability of a correct understanding of any question, is not an idle exercise. In essence, he constructs an apology for philosophy — and first of all an apology for the philosophy of Socrates. At the same time, Plato enters into an unannounced polemic with Thucydides, who held Nicias' virtue in an exceptionally high estimation (VII.86.5): from Plato's point of view, it is Socrates rather than Nicias who deserves such an evaluation.

«Хороши твои примечания, но зачем твой текст?» — язвительно спросил один ученый немец другого. Действительно, бывают научные работы, надежные множеством второстепенных достоинств, при отсутствии в них новых идей, внятного тезиса или ясного изложения. В художественной литературе также бывает, что отдельные приемы, тонкие находки, многозначительные аллюзии замечательно хороши, но целому не хватает единства, осмысленности или выразительности.

Речь пойдет о произведении, которое числится по ведомству философии, но отчасти принадлежит и к художественной литературе. Это диалог Платона «Лахет» из числа его ранних сократических диалогов. Более всего речь пойдет об одном имеющемся в нем намеке. Он заключен в брошенной как бы вскользь реплике Сократа: «Да и закон устанавливает, что не прорицатель должен руководить военачальником, а военачальник — прорицателем» (199а; пер. С.Я. Шейнман-Топштейн).

Поскольку одним из собеседников Сократа в диалоге является Никий, то сведущим читателям легко догадаться, что эта реплика отсылает нас к драматичному эпизоду Пелопоннесской войны, разыгравшемуся 27 августа 413 года до н.э. Никий был предводителем афинского войска в Сицилии. Экспедиция, которой он руководил, приняла столь неблагоприятный для афинян оборот, что было решено плыть домой, причем садиться на корабли, скрываясь от противника, при свете луны, а не солнца. В ночь, назначенную для отплытия, случилось лунное затмение, и Никий, следуя указаниям прорицателей, отменил эвакуацию. Все дело закончилось совершенным разгромом афинского войска и гибелью самого Никия.

Надлежит выяснить, зачем Платону понадобился этот намек. И, занимаясь этим, мы, как мне кажется, придем к лучшему пониманию назначения и происхождения всего диалога в целом и к тому же обнаружим в приведенной выше реплике реакцию одного писателя на произведение другого.

Будет уместным начать с краткого пересказа того, что происходит в «Лахете». Два почтенных гражданина, Лисимах и Мелесий, сыновья знаменитых политических деятелей — Аристида и Фукидида соответственно, только что посмотрели урок фехтования в тяжелом вооружении; теперь они размышляют, стоит ли обучить своих сыновей этому новому искусству. Они обращаются за советом к другой паре именитых сограждан — Никию и Лахету, им народ не раз доверял важнейшие военные и политические поручения. Оба соглашаются обсудить вопрос, но при этом Лахет заявляет, что еще лучше посоветоваться с находящимся тут же Сократом. Тот не отказывается, однако настаивает на том, что сперва следует выслушать мнение Никия и Лахета, поскольку они и старше, и опытнее. Никий одобряет новое искусство: и тело у юношей станет крепче, и осанка лучше, и в бою пригодится. Лахет, напротив, не находит эту новоявленную науку важной, коль скоро ею пренебрегают спартанцы — а уж они-то более всего заботятся о том, чтобы превосходить других в ратном деле. Лисимах призывает Сократа выступить третейским судьей. Сократ иронизирует над готовностью своих собеседников решать такого рода вопросы голосованием и постепенно приводит рассуждение к тому, что следует прежде разобраться в основополагающей проблеме:

С о к р а т. Итак, Лахет, оба этих мужа привлекают нас сейчас к совету о том, каким образом, придав душам их сыновей добродетель (aretē), сделать их более достойными людьми.

Л а х е т. Именно так.

С о к р а т. Следовательно, надо начать с того, чтобы узнать, существует ли добродетель? Ведь если мы вообще не будем знать о добродетели, что она существует, как сможем мы стать советчиками для кого бы то ни было в вопросе о том, каким образом приобрести ее наилучшим путем? (190b; пер. С.Я. Шейнман-Топштейн).

Впрочем, Сократ спешит уточнить, что будет разумным ограничить предмет и рассматривать не всю добродетель в целом, а только ту ее часть, которая более всего относится к науке о ведении боя в тяжелом вооружении, а именно мужество (*andreia*). Лахет сначала определяет мужество как стойкость души, а под влиянием последовавших вопросов Сократа — как разумную стойкость (192c–d). Однако выясняется, что такое определение неудовлетворительно. Вступает Никий. Опираясь на то, что он не раз слышал от Сократа, Никий предлагает рассматривать мужество как своего рода мудрость, а именно как знание о том, «чего следует и чего не следует бояться — как на войне, так и во всех прочих делах» (194e). Лахет считает слова Никия вздором: по его убеждению, мудрость и мужество — совершенно разные вещи. Сократ настроен более примирительно, но все же путем уточняющих вопросов приводит и Никия к заключению, что выявить, что же такое мужество, им все еще не удалось (199e). Сократ и себя включает в число тех, кто не справился с этой задачей, и в ответ на заявление Лахета, что Лисимаху и Мелесию следует взять Сократа в воспитатели сыновей, он призывает «всем вместе усердно искать лучшего наставника для себя самих (ведь мы в нем очень нуждаемся), а уж потом для мальчиков» (201a; пер. С.Я. Шейнман-Топштейн).

Действие диалога относится ко времени, когда Платон переходил из младенческого возраста в детский, а именно вскоре после сражения при Делии, в котором афиняне потерпели тяжелое поражение от беотийцев, участвовавших в Пелопоннесской войне (431–404 годы до н.э.) на стороне Спарты. Битва состоялась поздней осенью 424 года до н.э. Относится ли действие диалога к следующему году или же следующему после следующего — решить невозможно, и это совершенно неважно¹.

Философское содержание «Лахета» не поражает ни глубиной, ни богатством². Разумеется, в этом диалоге есть интересные ходы мысли, но вряд ли можно принять, что Платон всерьез в нем занят этическим или логическим исследованием. Мужество так и осталось без определения, и в этом не приходится усматривать какую-либо принципиальную позицию в духе скептицизма относительно попыток установления общих понятий: так, Сократ без долгих

-
- 1 Шмид справедливо обращает внимание на то, что действие диалога относится ко времени, когда Никий был первым человеком в государстве, но трудно сказать, имело ли это значение в 390-е, когда диалог был написан [Schmid 1992: 6].
  - 2 Ср.: «Philosophically, the result of the discussion appears to be *nil*; but the emphasis throughout is rather on the *process* of the Socratic “midwifery” or assistance in bringing correct notions to birth» [Lamb 1952: 4]. На деле Сократ в «Лахете» лишь помогает избавиться от неудачных определений мужества, но никак не подводит к правильному определению того, что это такое. (Не исключено, что сократовское «повивальное» искусство — вообще изобретение Платона [Burnyeat 1977]; ср., однако: [Forster 2007: 11 ff.].) Более удачной можно признать формулировку Хёрбера: «Socrates refrains from any clearly cut conclusions; his purpose rather is to lead the dialogists and the reader to personal reflection» [Hoerber 1968: 104]. Едва ли приходится сомневаться в том, что Платон считал уместным и ценным побудить читателя задуматься над тем, сколь нелегко дать точное определение вещам, кажущимся совершенно понятными (в частности — мужеству), но ясно также, что это лишь одна из целей «Лахета», причем не специфическая, поскольку она решается и в ряде других платоновских диалогов. Впрочем, нет недостатка в ученых, которые находили в «Лахете» существенное философское содержание, — например: [Guthrie 1975: 132–134]. Новейший обзор интерпретаций: [Rudebusch, Turner 2016].

разговоров весьма успешно дает определение быстроте (*tahytēs*) как «способности многое совершить за короткое время» (192a–b)³.

Диалог «Лакет», утверждаем мы, прежде всего о том, каким человеком и гражданином был тот самый Сократ, которого несколько лет назад привлекли к суду по обвинению в преступлениях против религии и государства и осудили на смертную казнь⁴. Кое-что здесь выражено без всяких околнностей. Лакет заявляет, что Сократ не раз делал честь своему отечеству; и если бы, говорит он, в битве при Делии другие держались так же, как Сократ, наш город не постигло бы такое падение (181a–b). Слова намеренно подобраны таким образом, чтобы читатели Платона подумали об итоговом поражении Афин в войне, а не только об одной битве, проигранной около тридцати лет назад⁵.

Другие идеи такого рода выражены косвенно, но вполне ясно. Сократа осудили за то, что он губительным для государства образом влияет на молодое поколение⁶, между тем мы видим, что сделать его воспитателем своих сыновей готовы именитейшие и лучшие граждане города (лучшие по крайней мере в глазах тех, кто стал бы читать сочинение Платона). Мы видим также, как эти граждане и Сократ понимают подобное воспитание: чтобы души молодых людей стали как можно лучше (186a; 190b), — в точном соответствии с тем, как Сократ описывает собственное призвание в речи перед афинскими судьями (Apol. 30a).

Не без ответа остается и другое обвинение, предъявленное Сократу, — в преступлении против религии. Последние слова диалога, с которыми Сократ как бы покидает сцену, — «если захочет бог» (201c). Нам предлагается, кроме того, подумать: а так ли уж безусловно ценно то традиционное благочестие, которое государство не подвергает сомнению? Тут-то мы и возвращаемся к реплике-намеку, приведенной в начале нашего рассуждения: «Да и закон устанавливает,

-
- 3 В переводе С.Я. Шейнман-Топштейн — «проворство» и «способность многого достичь за короткий срок» соответственно.
  - 4 В том же общем направлении, но не прицельно идет мысль Лэма: «Plato's main purpose in composing the piece seems to have been to show Socrates' manner of dealing with distinguished men who are older than himself, and who soon recognize in him an intellectual acuteness at least equal to the steadfast courage that has already won the admiration of Laches» [Lamb 1952: 4]. Стремление Платона создать в «Лакете» социально привлекательный образ Сократа удачно подчеркнула Микелини [Michellini 2000: 63]. Наша позиция была предвосхищена Вилаговицем, по словам которого главная цель «Лакета» — защита и реабилитация Сократа, тогда как определение понятия храбрости имеет здесь ничтожное значение [Wilamowitz-Moellendorff 1920: 186].
  - 5 Я исхожу из того, что «Лакет» был написан между 399-м и 395 годами. Этот диалог исследователи единодушно относят к числу ранних, однако принято считать, что для его абсолютной, в отличие от относительной, датировки нет видимых оснований [Noelke 1968: 96 ff.; Guthrie 1975: 124 ff.; Hardy 2014: 65]. Одно из таких оснований, впрочем, признается очень многими: реабилитирующий Сократа диалог должен быть написан после его осуждения в 399 году. Можно привести и другое основание. Лакет восхваляет спартанские боевые приемы и принципы (182e–183a). Хотя Платону не вовсе чуждо лаконофильство, демонстрировать его в условиях новой войны со Спартой, начавшейся в 395-м и продолжавшейся по 387 год, было бы бестактным — особенно устами Лакета, который хотя и сыграл важную роль в заключении перемирия и мира со спартанцами в конце 420-х, но в конце концов был убит ими в сражении при Мантинее (в 418 году — см.: Thuc. V.74.3 в связке с V.61.1).
  - 6 По формулировке, приведенной в платоновской «Апологии», «Сократ преступает законы тем, что поргит молодежь, не признает богов, которых признает город, а признает знамения каких-то новых гениев» (24b; пер. М.С. Соловьева).

что не прорицатель должен руководить военачальником, а военачальник — прорицателем» (199а). Никий, к которому отсылает эта реплика, с подчеркнутым уважением относился к прорицателям — вот он и погубил войско, внявши вздорным словам этих людей по поводу случившегося лунного затмения.

То, что Платон в приведенных словах метит в роковое решение Никия, ученые комментаторы отмечали множество раз. Но почему он это делает и что в точности хочет сказать — какого-либо развернутого ответа на эти вопросы я в их трудах не нашел⁷. Попробуем разобраться.

Сократа обвинили в том, что он не почитает богов, признаваемых государством, и вводит новых богов. В последнем пункте ловко (или скорее бессовестно) использовалось то, что отрицать было невозможно: Сократ неоднократно публично ссыался на указания, полученные им от некоего начала божественной природы (знаменитый «даймонион»). Платон, стремившийся к тому, чтобы с разных сторон показать несправедливость обвинений, погубивших Сократа, не мог пройти мимо этого обстоятельства. Когда в другом его раннем диалоге, «Евтифроне», Сократ поясняет удивленному и дружественно настроенному собеседнику, в чем состоит предъявленное ему обвинение, то немедленно слышит в ответ: «Понятно, Сократ, ведь ты сам утверждаешь, что тебе часто является твой гений» (3b; пер. С.Я. Шейнман-Топшгейн). Примечательно, что собеседником здесь выступает представитель той самой профессии, которую нехстати для себя и для отечества переоценил Никий: Евтифрон — прорицатель, эксперт в религиозных вопросах. Между тем выясняется, что этот специалист принимает всерьез нелепые в глазах мыслящих людей мифы, согласно которым Зевс заключил в оковы собственного отца за то, что тот преступно пожирал собственных детей (6a); более того, Евтифрон ссыался на Зевса, чтобы оправдать свою решимость возбудить уголовное преследование собственного отца⁸. Сократ, разумеется, не обнаруживает сочувствия ни к рассуждениям, ни к действиям Евтифрона, и читателю нетрудно заключить, кому свойственно подлинное благочестие — несправедливо обвиненному и осужденному Сократу или поборнику полученных от древности, расхожих представлений о богах. К тому же в рассуждениях, в которые Сократ втягивает Евтифрона, обнаруживается, что верное знание о богах и благочестии — вещь далеко не очевидная и труднодостижимая.

Не следует понимать Платона так, что ему важно нападать на прорицателей. Если к старости он возненавидел атеизм, то и в молодости он не был «воль-

-
- 7 Хёрбер трактует интересующую нас реплику как пример характерной для «Лакхета» (по его мнению) игры на контрастах (Никий не возражает против того, что военачальник должен руководить прорицателем, а не наоборот, на деле же поступает иначе) [Hoerber 1968: 99]; Шмид отмечает ее неожиданный «*ad hoc character*», а также то, что «it is not at all obvious what the allusion is doing there or exactly how the reader is to understand the relation between the Nicias of the dialogue and the Nicias of history» [Schmid 1992: 10]. Ближе всего к тому, что мы здесь предложим, — брошенные почти вскользь соображения Рудебуша и Тёрнера в начальной части их работы [Rudebusch, Turner 2016]. Виламовиц вообще отрицал присутствие намека на решение Никия, призывая не «чутья слишком многое» [Wilamowitz-Moellendorff 1920: 184, Anm. 1]. Мы увидим, что в данном случае знаменитому филологу как раз не хватило чутья.
- 8 Евтифрон обвиняет отца в убийстве (которое, как выясняется, было непредумышленным и постигшим скверного человека). Об удивительных китайских параллелях к сюжету «сын обвиняет отца» см.: [Панченко 2016: 38—50].

терьянцем»: Анаксагор его разочаровал, относительно Демокрита он делал вид, что такого философа не существует. Для Платона спор шел не между предрассудками и просвещенным рационализмом, а между наивным благочестием и философским. Соответственным образом выстроен и адресованный Никию упрек, подразумеваемый в намеке на сицилийские события. Никий, известный среди современников вниманием к прорицателям, несколько неожиданно предстает в «Лахете» человеком, подготовленным к сложным отвлеченным рассуждениям, благо он лично хорошо знаком с виднейшими авторитетами в интеллектуальной области — Дамоном, Продиком, Сократом. Почему бы такому человеку не быть в курсе научных теорий — в частности, тех, что придерживался Анаксагор, который долго жил в Афинах и имел более или менее адекватные представления о природе лунного света и лунных затмений [Panchenko 2002]? И Платон упрекает Никия не в невежестве и отсталости взглядов, а в том, что тот проявил себя не лучшим гражданином, поставив псевдоблагочестие выше верного понимания обязанностей военачальника.

Чтобы лучше понять Платона, следует вспомнить, что военная катастрофа в Сицилии, в сущности, предопределила поражение Афин в войне (примерно так, как русский поход Наполеона предопределил вступление союзников в Париж). Мы можем не сомневаться в том, что действия Никия обсуждались в Афинах с самых разных сторон. Одни проклинали его⁹, другие — брали под защиту: не кто иной, как Никий, говорили они, выступал против сицилийской авантюры, а когда ему поручили командование, он действовал по мере сил¹⁰. Однако после Сицилии столько всего еще произошло! Удары следовали один за другим, иногда чередуясь с победами и воскресавшей надеждой; затем, наконец, полная потеря флота, осада города, голод, капитуляция, спартанский гарнизон на Акрополе. То, что началось в 413-м, завершилось лишь в 404-м, и эти годы были насыщены событиями. Странно думать, чтобы Платон, писавший еще позже, после смерти Сократа (последовавшей в 399-м), решил вдруг поучаствовать в полемике, виноват ли был Никий и в чем именно заключается его вина. В чем же тогда его цель?

Решение Никия, принятое поздним вечером 27 августа 413 года до н.э., является собой один из редчайших примеров, когда и жизнь того, кто принимает решение, и судьба множества вверенных ему людей, а отчасти и всего государства зависят от *правильного или неправильного понимания вещей* в нетривиальных обстоятельствах. Никию, человеку порядочному, дельному и неглупому, не хватило верного понимания. Платон хочет напомнить об этой ситуации прежде всего для того, чтобы навести нас на мысль, что сложные размышления и рассуждения о природе вещей, о добродетели, мужестве и должном — не пустое занятие. Иными словами, в его намеке на то, что произошло в Сицилии, заключена ни много ни мало *апология философии*.

Неудивительно, что Платон выбирает для этой цели намек, а не прямое высказывание. Бывает, что идеи умнее не формулировать, но косвенно указывать на них, пробуждать их в сознании тех, кому они адресованы¹¹. В частности — ко-

9 Имя Никия было опущено на погребальной стеле, поставленной афинянами (Paus. I.29.11—12).

10 Ср.: Lys. XVIII.2.

11 Ряд примеров такой техники у Платона можно найти в: [Панченко 1990] — например, на с. 173—176.

гда идеи недоказуемы. Мог ли Платон поручиться, что если бы Никий больше и вдумчивей общался с Сократом, то избежал бы роковой ошибки? Даже сама ошибка Никия при каком-то особенно счастливым стечении обстоятельств могла оказаться не роковой. Вместе с тем Платон тщательно заботится о том, чтобы его намек не прошел мимо внимания читателя. Упоминание прорицателей в связи с Никием возникает загодя, причем почти на пустом месте. Реагируя на одну из реплик Никия, Сократ спрашивает Лахета, понимает ли он, что тот имеет в виду. «Понимаю, — отвечает Лахет, — что мужественными именует он прорицателей» (195d–e). Такой ход показался бы даже натянутым, искусственным, но Платон избегает этого, придавая и другим репликам Лахета несколько взбалмошный характер. Опять же, загодя, но не сильно загодя, в уста самого Никия вложено упоминание Ламаха (197c) — его храброго товарища по командованию в Сицилии, который погиб под стенами Сиракуз: для афинской аудитории не вспомнить тут о сицилийской катастрофе было попросту невозможно.

Можно, далее, заметить, что характер Никия в диалоге выстроен именно в зависимости от того, что заключено в разбираемой нами краткой реплике. Вывести его человеком простоватым, этаким генералом, не любящим рассуждать, было бы неверным: тогда получалось бы, что Никий послушался прорицателей из-за недостаточной развитости, и в выигрыше оказалась бы философия Анаксагора и Демокрита, опирающаяся на науку, а не философия Сократа с ее сосредоточенностью на том, чтобы наши души были как можно лучше, и с интуицией нового благочестия. И вот Никий, напротив, предстает человеком чрезвычайно рассудительным. Он даже не лишен навыка философских рассуждений и, например, способен указать на различие между мужеством и бесстрашием¹². Никий, узнаем мы, много слушал Дамона и Продика, да и с Сократом он хорошо знаком и явный его поклонник, и все же он человек не блестящего ума. Типологически (применительно к жанру сократического диалога) Никий из тех, кто «знает», но в «Лахете» Сократ не занят разоблачением его претензии на знание — здесь все уважительно и дружелюбно. Ведь, с одной стороны, Платон в этом диалоге выводит Сократа в окружении именитых и заслуженных афинян, и репутация Сократа не выигрывала бы, а проигрывала, если бы они были представлены окарикатуренным образом; с другой стороны, Никий погиб на войне, в походе, который состоялся вопреки его заклинаниям, и выставлять его в нелепом виде было бы неблагородным. Платон использует хорошо всем известную манеру военного руководства Никия — продуманность действий в противоположность спонтанной храбрости, — чтобы найти в ней обоснование конструируемому им образу человека, склонного во всем вообще отдавать первенство рассудительности и разумности. Ибо Платону нужен носящий имя Никия персонаж, который станет утверждать, что мужество — это своего рода мудрость, знание о том, «чего следует и чего не следует бояться — как на войне, так и во всех прочих делах». Определение мужества, которое дает Никий, парадоксально, и оно сконструировано так, что имеет смысл как раз применительно к казусу Никия: должен ли полководец испытывать страх пе-

12 Роль простака, причем симпатичного простака, отведена в диалоге Лахету. Нет, он совсем не глуп, но он может сказать не подумав. Главное, в нем нет ложной претензии на знание и на понимание того, чего он толком не понимает. Интересное, хотя и несколько утрированное противопоставление Лахета и Никия предлагает Доббс [Dobbs 1986]; ср.: [Fröhlich 2007: 197].

ред лунным знаменем?! Ради этого и предстает генерал и богач Никий человеком, хорошо знакомым с философскими рассуждениями. Мораль, ненавязчиво выраженная лишь посредством намека, отсылки к известной ситуации, считывается вполне определенным образом: быть умным человеком и даже поверхностно знакомым с философией, слушать Дамона и Продика — всего этого недостаточно; вот если бы Никий основательно и всерьез занимался философией, особенно в духе Сократа, — тогда бы, скорее всего, он принял правильное решение, которое спасло бы и его самого, и войско, и государство.

Итак, мы видим, что внешне незначительная реплика оказывается нагруженной апологией философии и Сократа и что персонаж, носящий имя Никия, разработан именно так, чтобы она присутствовала. Но это еще не все, что можно и нужно о ней сказать: в ней обнаруживается литературная переключка и отчасти идейная полемика. Я полагаю, что реплика, вложенная в уста Сократу, навеяна не столько непосредственным воспоминанием о ярком историческом эпизоде, сколько конкретной фразой в «Истории» Фукидида.

Рассказ о сицилийской экспедиции афинян, книги VI—VII, по своей целостности, драматичности и эмоциональной насыщенности занимает особое место в сочинении Фукидида, а завершающая часть этого рассказа принадлежит к лучшим страницам греческой прозы. Здесь, в завершающей части, Никий появляется часто. Угадывается сочувствие к нему историка: Фукидид приводит письмо Никия афинскому народному собранию, где позволяет полководцу посетовать на мучающую его болезнь. Но в целом Фукидид, как обычно, строго объективен: мы видим Никия принимающим то удачные, то ошибочные решения. Вот как Фукидид описывает эпизод с затмением:

Когда все уже было готово к отплытию, произошло лунное затмение, так как в это время как раз было новолуние. Большинство афинян потребовали от военачальников отсрочки отплытия. И Никий (который вообще придавал слишком много значения предзнаменованиям и тому подобному) также заявил, что не может быть и речи о том, чтобы двинуться с места, пока не пройдут указанные прорицателями трижды девять дней. Вследствие этого отплытие было отложено, и афиняне остались у Сиракуз (VII.50.4; пер. Г.А. Стратановского).

Эта ошибка оказалась фатальной, но она, повторим, в изложении Фукидида предстает не единственной, которую совершил Никий. Поэтому читателю не может не броситься в глаза и вообще необычная для Фукидида «эпитафия» Никию. Коротко сказав о последовавшей за его пленением казни, историк заявляет, что из всех современников Никий «меньше всех заслужил столь горестную участь, поскольку он следовал всему тому, что считается добродетелью» (VII.86.5)¹³.

13 В переводе Г.А. Стратановского: «...меньше всех из эллинов моего времени заслуживавшего столь несчастной участи, ибо он в своем поведении всегда следовал добрым обычаям». Словосочетание «добрые обычаи» задает здесь чуждый Фукидиду интонационный контекст. Наш историк — сильный и независимый мыслитель, создающий свой труд в эпоху неразрешимых (по крайней мере обычными средствами) политических и идейных конфликтов, и он менее всего тривиальный писатель, восхваляющий людей, следующих «обычаям». Несколько удачней в переводе Ф. Мищенко под редакцией С. Жебелева: «...потому что во всем своем поведении он следовал установленным принципам благородства». Ср.: «...because he has ordered his whole life by high moral standards» [Gomme, Andrewes, Dover 1970: 463]; «...because he ordered his whole life in accordance with virtue» [Hornblower 2008: 741].

Заявление достаточно неожиданное. Правда, в определенных кругах Никий считался превосходным политическим деятелем: такое представление о нем отражено у авторов следующего столетия — Аристотеля (Ath. pol. XXVIII.5) и Демосфена (III.21). Парадокс, однако, заключается в том, что Фукидид ни в повествовании о сицилийской экспедиции, ни в других частях своего труда не изображает Никия человеком, заслужившим столь исключительную оценку¹⁴. Показательно, как Плутарх в жизнеописании Никия перетолковывает сказанное Фукидидом: он подхватывает слова о несправедливой участи, но ставит их в связь с тем, что Никий погиб в походе, против которого решительно возражал (Никий. XXVI.6). С другой стороны, этот как бы естественный ход мысли Плутарха лишь подчеркивает необходимость принимать неожиданные слова Фукидида всерьез¹⁵. Их объяснение требует особого обсуждения. Нам сейчас достаточно того, что Платон смотрел на вещи иначе: в его глазах, человеком, меньше всех из эллинов заслужившим казнь, был Сократ — причем именно по той причине, которую называет Фукидид, говоря о Никии: он во всем ревностно следовал добродетели¹⁶.

Можно предположить, что Платон и выстраивает свое сочинение в соответствии с убеждением, что слова, сказанные Фукидидом о Никии, еще более заслужены Сократом. Лахет, сам видный генерал, политический соратник Никия в пору заключения мира со спартанцами (421) и три года спустя павший в сражении с ними, свидетельствует о том, что в мужестве Сократ никому не уступит. Но если в этой составляющей добродетели Сократ равен Никию, то в другой ее составляющей — понимании должного — он Никия превосходит. Следовательно, Сократ еще менее, чем Никий, заслужил казни. Со свойственным ему тактом Платон не декларирует эту мысль, а подводит нас к ней.

Если читатель еще не поверил, что Платон действительно отгалкивался от Фукидида, то в ответ на подобное законное сомнение приведем ряд доводов.

На один уже, в сущности, было указано. При всей важности сицилийских событий вслед за ними последовало такое количество других, более близких и ощутимых по последствиям, что в годы, когда был написан «Лахет», т.е. между 399-м (суд над Сократом) и 395-м (начало новой войны со Спартой), решение, принятое Никием в 413-м, не было чем-то особенно актуальным, тогда как обнародование труда Фукидида было событием свежим. Свою «Историю» Фукидид, по-видимому, не завершил; во всяком случае, опубликованный после его (насильственной?) смерти вариант был лишен описания последних нескольких лет войны. Однако в опубликованном тексте исход войны упоми-

14 Ср.: «No one who has read this history up to the present point is likely to have formed a very favourable view of Nicias» [Gomme, Andrewes, Dover 1970: 461].

15 Некоторые ученые решили усмотреть в них иронию. Но это невозможно — как по общим соображениям (постулировать иронию в столь трагическом контексте — значит приписывать автору какую-то феноменальную бесчувственность), так и по более частным: в речи, которой Никий ободряет воинов в почти уже безвыходной ситуации, ему дозволено предвосхитить Фукидидову «эпитафию» следующими словами: «Я никогда не нарушал своего долга по отношению к богам и всегда честно и безупречно вел себя с людьми» (VII.77.2; пер. Г.А. Стратановского).

16 Отчетливо, хотя и другими словами, Платон говорит об этом в значительно более позднем, чем «Лахет», «Федоне» (118a): «Таков, Эхекрат, был конец нашего друга, человека — мы вправе это сказать — самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и справедливого» (пер. С.П. Маркиша).

нается (II.65.12; V.26.1), причем контекст совершенно не располагает думать, будто эти упоминания появились незадолго до того, как работа была прекращена. Стало быть, «История» появилась не ранее 404 года — вероятно, на несколько лет позже.

Труд Фукидида определенно имел успех в тех кругах, к которым принадлежал Платон. Это следует из того, что он был продолжен Ксенофонтom, который, как и Платон, был из числа тех людей, кто много общался с Сократом.

Пару второстепенных персонажей диалога «Лахет» составляют Лисимах и Мелесий. Но если первый играет в диалоге заметную роль, то второй «попросту произносит семь коротких фраз» [Hoerber 1968: 97]. Мелесий — сын Фукидида, и Платон напоминает об этом (179a). Нет, конечно, не нашего, а другого. И все же тезка историка упоминается, скорее всего, не без соответствующего умысла. Например, в другом — правда, позднем — диалоге, каким является «Парменид», без каких-либо явных причин появляется персонаж по имени Аристотель. Опять же — не знаменитый и строптивый ученик Платона, а другой, но едва ли этот другой не намекает на того, о ком мы подумали.

Формулировки ключевых пассажей, похоже, указывают на сознательную перекличку. Фукидид говорит о ревностном отношении Никия к «признанной» или «установленной» (*nenomismenē*) добродетели. У Платона: «Да и закон (*nomos*) устанавливает, что не прорицатель должен руководить военачальником, а военачальник — прорицателем». *Nenomismenē* и *nomos* («закон, установление») — однокоренные слова, и это обстоятельство в сочетании с другими побуждает думать о подразумеваемой полемике: в ситуации с лунным затмением Никий не последовал тому, что установлено и признано. Впрочем, не будем настаивать на этом пункте. С одной стороны, Платону было незачем искать в этом контексте какое-либо иное слово, нежели *nomos*. С другой стороны, многие комментаторы понимают соотношение слов во фразе Фукидида иначе, чем мы¹⁷. В любом случае остаются другие приведенные доводы.

Итак, я думаю, что толчком (в той или иной степени) к возникновению замысла диалога «Лахет» послужила фраза Фукидида о Никии, которая должна была привлечь внимание современников и вызвать споры. Эта фраза спровоцировала Платона сравнить судьбу и оценку Никия с судьбой Сократа и той оценкой, которой тот, по его убеждению, заслуживал. Сопоставление Сократа с Никием привело к появлению обоих в качестве действующих лиц в рамках одного диалога и — поскольку Никий был прежде всего человеком военным — к теме мужества как обсуждаемого аспекта добродетели. Никию были приданы черты, подходящие, как мы говорили, к тому, чтобы тот сформулировал такой взгляд на мужество, который был удобен для демонстрации ценности глубокого занятия философией, а также для выявления превосходства Сократа

17 Слова эти таковы: *dia tēn pasan es aretēn nenomismenēn epitēdeusin*. Убедительная для всех интерпретация, по-видимому, недостижима — ср.: «The translation of this important authorial judgement is controversial and difficult (which of that string of feminine accusative words goes with which?)» [Hornblower 2008: 741]. Согласно мнению большинства, и *pasan*, и *nenomismenēn* согласованы с *epitēdeusin* [Gomme, Andrewes, Dover 1970: 463; Осипова 2001: 114; Hornblower 2008: 742]; ср.: [Classen 1908]. Однако выражение *pasan aretēn* имеет характер устойчивого словосочетания [Gomme, Andrewes, Dover 1970: 463]; также и *nenomismenēn* мне, как и некоторым другим, представляется более естественным связывать с *aretēn*. (По крайней мере не приходится сомневаться, что речь идет о выдающейся добродетельности Никия.)

над Никием. Пару рассудительному Никию составил импульсивный Лахет, который то засвидетельствует безупречное мужество Сократа, то неожиданно заговорит о прорицателях, отсылая нас к эпизоду, с учетом которого должна, по мнению Платона, выноситься итоговая оценка личности и судьбы Никия.

Похоже, мы нащупали редчайшую возможность указать на спусковой крючок творческой работы, приведшей к написанию одного из сочинений Платона. Вместе с тем ясно, что ключевой целью диалога «Лахет» является демонстрация несправедливости обвинений, предъявленных Сократу, а не сопоставление его с Никием — человеком совсем другого образа жизни и занятий. То, что послужило спусковым крючком, — реакция на фразу Фукидида — осталось в предыстории текста, обнаруживая себя лишь в двойном намеке, упакованном в одной внешне незначительной фразе: (1) что заниматься философией, как это делал Сократ, отнюдь не бесполезно, и Никий, а с ним и государство в целом, возможно, избежали бы катастрофы, если бы предводитель афинского войска понимал вещи столь же глубоко, как Сократ; и (2) что наиболее несправедливая участь постигла все же не Никия, как утверждает Фукидид, а Сократа. Среди сограждан Платона тех, кто распознал намек, было, надо думать, немало; вот и мы теперь, столько времени спустя, возвращаемся к тому, чтобы его уловить.

Остается сказать, что ни тонкость, ни емкость раскрытого нами намек еще не делают «Лахет» выдающимся произведением. Автор этого диалога — гениальный, как покажет время, но пока еще начинающий писатель; ему удастся многое, но не все. Впрочем, намек, который мы обсуждаем, предстает не кунштюком, не случайным привеском, а составной частью общей задачи — показать, каким человеком был Сократ, чем он занимался, с кем дружил, кто его ценил и сколь несправедливо его обвинили и осудили¹⁸.

Библиография / References

- [Осипова 2001] — *Осипова О.В.* Фукидидовский «некролог» Никия (7.86.5) и греческие эпитафии // *Вестник древней истории*. 2001. № 2. С. 113—117.
(*Osipova O.V.* Fukididovskiy «nekrolog» Nikiya (7.86.5) i grecheskie epitafii // *Vestnik drevney istorii*. 2001. № 2. P. 113—117.)
- [Панченко 1990] — *Панченко Д.В.* Платон и Атлантида. Л.: Наука, 1990.
(*Panchenko D.V.* Platon i Atlantida. Leningrad, 1990.)
- [Панченко 2016] — *Панченко Д.В.* На восточном склоне Олимпа: Роль греческих идей в формировании китайской космологии. СПб.: Наука, 2016.
(*Panchenko D.V.* Na vostochnom sklone Olimpa: Rol' grecheskikh idey v formirovaniy kitayskoy kosmologii. Saint Petersburg, 2016.)
- [Burnyeat 1977] — *Burnyeat M.F.* Socratic Midwifery, Platonic Inspiration // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1977. Vol. 24. P. 7—16.
- [Classen 1908] — *Thukydides / Erklärt von J. Classen; bearbeitet von J. Steup.* Aufl. 3. Bd. 7. Berlin, 1908.
- [Dobbs 1986] — *Dobbs D.* For Lack of Wisdom: Courage and Inquiry in Plato's *Laches* // *The Journal of Politics*. 1986. Vol. 48. P. 825—846.
- [Forster 2007] — *Forster M.N.* Socrates' Profession of Ignorance // *Oxford Studies in Ancient Philosophy*. 2007. Vol. 32. P. 1—37.

18 Я признателен С.А. Тахтаджану за замечания, высказанные относительно предварительного варианта этой статьи.

- [Fröhlich 2007] — *Fröhlich B.* Die sokratische Frage; Platons *Laches*. Berlin: Lit, 2007.
- [Gomme, Andrewes, Dover 1970] — *Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J.* A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 4. Oxford: Oxford University Press, 1970.
- [Guthrie 1975] — *Guthrie W.K.C.* A History of Greek Philosophy. Vol. IV: Plato. The Man and His Dialogs: Earlier Period. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- [Hardy 2014] — *Platon. Laches* / Übersetzung und Kommentar von J. Hardy. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2014.
- [Hoerber 1968] — *Hoerber R.G.* Plato's *Laches* // *Classical Philology*. 1968. Vol. 63. № 2. P. 95—105.
- [Hornblower 2008] — *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. Vol. 3. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- [Lamb 1952] — *Plato. Laches; Protagoras; Meno. Euthydemus* / Transl. by W.R.M. Lamb. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1952.
- [Michelini 2000] — *Michelini A.* Plato's *Laches*: An Introduction to Socrates // *Rheinisches Museum*. 2000. Vol. 143. P. 60—75.
- [Panchenko 2002] — *Panchenko D.* Eudemus Fr. 145 Wehrli and the Ancient Theories of Lunar Light // *Eudemus of Rhodes* / Ed. by I. Bodnár and W.W. Fortenbaugh. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2002. P. 323—336.
- [Rudebusch, Turner 2016] — *Rudebusch G., Turner C.* Argument Analysis of Plato's *Laches* // *Archelogos*. [2016] (www.archelogos.com/xml/toc/toc-laches.htm (accessed / дата обращения: 23.03.2018)).
- [Schmid 1992] — *Schmid W.T.* On Manly Courage: A Study of Plato's *Laches*. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1992.
- [Wilamowitz-Moellendorff 1920] — *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Platon. Bd. 1: Leben und Werke. Aufl. 2. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1920.